

МОТ: воспользоваться кризисом, чтобы улучшить жизнь населения

5 мая 2020 | **Интервью** (/ru/audio-product/intervyu)

Около 60 процентов работающих в Узбекистане не имеют трудовых контрактов. Примерно такая же ситуация сложилась и в других странах региона. Международная организация труда работает с правительствами, чтобы обеспечить социальную защиту этой группы населения. Об этом Наргис Шекинской рассказал Михаил Пушкин, главный специалист по вопросам занятости Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии.

МП: Мы примерно знаем размеры неформальной занятости в нашем регионе. В разных странах по-разному, оценки тоже разные. Если, скажем, брать Узбекистан, то в среднем можно говорить об оценке около 60 процентов людей заняты неформально. И это уже о многом говорит, поскольку Узбекистан – это крупнейшая страна Центральной Азии. Велика неформальная занятость в Азербайджане, Армении, Грузии – где-то в районе 30-50 процентов, очень высокие цифры.

Мало того, что эти люди чаще всего заняты в тех секторах, которые больше всего страдают, мы говорим о промышленном производстве, мы говорим о туризме и гостинично-ресторанном бизнесе, мы говорим о розничной торговле. Дело еще и в том, что неформально занятые совершенно не обеспечены никакими средствами социальной защиты. С одной стороны, прекращение производства в том или ином секторе лишает людей работы. С другой стороны, человек, не привязанный формально к своему работодателю, во многих случаях будет пытаться все-таки работать. И это тоже фактор риска, потому что секторы производства закрываются не просто так, это делают, чтобы обеспечить здоровье и жизнь населения. Если человек, идя наперекор всем этим запретам, продолжает работать, он создает риск для себя самого и тех, с кем он сталкивается. И связано это именно с тем, что люди, занятые неформально, никак не защищены. Это то, о чем мы говорили все время, наша организация принимала рекомендации, в частности, посвященные преодолению неформальной занятости. И мы видим результаты того, что феномен продолжает иметь место и даже проблема эта продолжает расти в целом ряде стран региона.

Мы общаемся с нашими партнерами в наших странах и мы слышим от них, что неформально занятые – это действительно приоритетная категория. Мы пытаемся найти механизмы, инструменты, чтобы помочь людям. Как, скажем, предоставить им самую первоначальную необходимую помощь, через какие институты, через какие каналы, как выйти на них, дойти до этих людей. Это многоуровневая система поддержки. В первую очередь надо людей заинтересовать, донести до них

информацию. Во-вторых, надо людям дать амнистию. В любом случае, если человек занят неформально, подвергается или нет каким-либо штрафным санкциям в том или ином государстве, это уже не имеет значение: главное дойти до этого человека, предоставить амнистию и на таких условиях привести человека в определенную организацию, чтобы он смог получить помощь, будь то наличные, продовольствие или в какой-либо другой форме. Но главное, чтобы человек понял, что он и его семья будут какое-то время обеспечены самой необходимой помощью. А когда уже будем выходить из этого кризиса, мы увидим, как мы можем системно этим людям помочь.

И одним из инструментов здесь может быть то, что, если человек приходит за этой помощью, он регистрируется. И тогда, будучи зарегистрированным, он может затем, по ту сторону кризиса, продолжать свою трудовую деятельность в формальном режиме.

Это лишь один из срезов, но он демонстрирует, насколько конкретно мы обсуждаем эти вопросы с нашими партнерами. Буквально на днях мы выпустили методологию экспресс-оценки неформального сектора экономики, и эту методологию мы также предложим нашим странам для применения.

НШ: Какие-либо страны приняли уже какие-то из перечисленных вами мер?

МП: Нам пока это неизвестно, мы находимся на стадии переговоров. Есть две-три страны, в которых эта тема обсуждается очень глубоко. Дело в том, что страны до сих пор не владеют хорошей методологией оценки неформального сектора. Вот эта экспресс-оценка может им помочь, чтобы оценить [масштабы проблемы] и связаться с людьми, которые заняты в неформальном секторе и нуждаются в помощи.

НШ: Есть еще одна категория населения, которую касается эта проблема – это мигранты. Есть ли у вас информация о том, как их коснулся кризис?

МП: Во-первых, мы считаем, что все что связано с мигрантами, это вопрос в первую очередь двусторонних отношений между страной убытия и страной пребывания мигрантов. Мы знаем, что, например, в нашем регионе главной страной, куда мигранты едут, является Российская Федерация. Едут также в Казахстан.

В частности, мы знаем, что государственные органы России находятся в очень тесном контакте с коллегами в странах, откуда прибывают мигранты – так было и до пандемии, и сейчас они находятся в не менее тесном контакте, чтобы понять, как помочь тем мигрантам, которые есть на территории РФ, либо с возвращением на родину, либо с улучшением их условий. Во многих случаях эти мигранты являются также и неформально занятыми.

Есть очень большой интерес в том же Узбекистане к судьбе мигрантов, которые находятся в России, возвращаются или уже вернулись в Узбекистан. Когда люди возвращаются на родину, они становятся частью населения, и к ним применяются те

же подходы, которые применяют ко всем остальным гражданам этой страны. Мы говорили с узбекскими коллегами о том, что этот кризис может привести к усилению потока мигрантов из Узбекистана.

НШ: После кризиса?

МП: Да, разумеется. И здесь наш совет был, поднять квалификацию людей до того, как они уедут за границу, потому что хуже всего приходится неквалифицированным работникам. И если усилить систему профессионально-технического обучения и нацелить ее на потенциальных мигрантов, дать им какие-то навыки до того, как они покинут страну, и не только языковые, о чем сейчас, в частности идет речь, но и профессиональные, то их судьба может быть намного лучше.

Страны, скажем, Средней Азии, очень сильно зависят от переводов, которые мигранты отправляют на родину, которые приходят из России, Казахстана, Турции, Южной Кореи – всех стран, куда едут мигранты.

В случае с РФ, например, поток поступлений в Узбекистан был в районе двух миллиардов долларов в год. Сейчас этот поток иссяк. Но мы понимаем, что они поедут обратно и рекомендуем поднять их квалификацию. В этом случае, когда они поедут в Россию, они будут в более выгодных и достойных условиях.

НШ: Но за какое время можно повысить их квалификацию?

МП: Вы знаете, это стратегический вопрос. Конечно, можно делать очень быстро, а можно интегрировать в ту систему профессионально-технической подготовки, которая, как мы знаем, сейчас реформируется в том же Узбекистане. Ее можно уже частично нацеливать на потенциальных мигрантов. От этого никуда не деться – есть внутренний рынок для стран Евразийского сообщества, который подразумевает свободный переток рабочей силы. Поэтому надо не пытаться искусственно затормозить эти процессы, а просто умело регулировать их.